

Стукалова Ольга Вадимовна
Olga Stukalova

доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Институт художественного образования и культурологии» Российской Академии образования.
doctor of pedagogical sciences, leading researcher of the Federal State-Financed Research Institution «Institute of art education and culturology of Russian Academy of education».
E-mail: chif599@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ XX ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

The pedagogical features of XX-th century literature's study at modern school

Ключевые слова: Владимир Набоков, русская литература XX века, педагогический потенциал, эстетический идеал, интерпретация текста.

Keywords: Vladimir Nabokov, Russian literature of the twentieth century, the pedagogical potential, aesthetic ideal, the interpretation of the text.

Аннотация. Слово как материал художественной литературы обладает большим педагогическим потенциалом. Обращение в этом контексте к творчеству одного из самых тонких стилистов в русской литературе – Владимиру Владимировичу Набокову – не случайно. В. В. Набоков - один из самых влиятельных художников по степени воздействия на стилевые процессы в русской и мировой литературе второй половины XX века.

Abstract. The word as a material of fiction has great pedagogical potential. In this context treatment to the work of one of the finest stylists in Russian literature - Vladimir V. Nabokov – is not by accident. Vladimir Nabokov is one of the most influential artists in Russian and world literature of the second half of the twentieth century.

Задачи, стоящие перед преподавателями литературы в XXI веке, в значительной степени определяются особенностями общекультурной ситуации в обществе: возрастанием потребности возврата многих утраченных духовных ценностей и в то же время негативным отношением к сложившимся стереотипам в педагогике и оценке художественных произведений. Особое значение приобретают вопросы формирования нового типа взаимоотношений преподавателя и студентов, воспитания творческого читателя.

Гуманитарная концепция литературного воспитания рассматривает литературу прежде всего как искусство слова – как самоценный, собственно эстетический феномен, а не как средство осуществления тех или иных утилитарных (воспитательных, идейно-нравственных) задач и целей.

Слово как материал художественной литературы обладает неисчерпаемым количеством смыслов, вызывающих в сознании читателя постоянно обогащающиеся и обновляющиеся эмоциональные и интеллектуальные переживания – «образ мира, в Слове явленный» (Б.Л. Пастернак). Литературные произведения создают особую атмосферу общения с миром художественных образов, что является прерогативой искусства.

Литературное произведение актуализирует в процессе саморазвития такую черту этого процесса, как ценностное самоопределение, открывая читателю «мистическую тайну искусства, его вечное устремление к вершинам духа, его самодовлеющую преображающую жизнь ценность...» [Бакушинский А.В., 10].

Увидеть спрятанный в слове образ (а иногда и целую мировоззренческую систему) - одна из важнейших задач, которая стоит перед студентами в ходе литературного анализа. Раздумье над словом, как писал академик В.В. Виноградов, «оживляет в языке мертвое, мотивирует немотивированное» и создает «вторую образную действительность», которую «искусство открывает в действительности реальной» [Виноградов В.В., 157].

Обращение в этом контексте к творчеству одного из самых тонких стилистов в русской литературе – Владимиру Владимировичу Набокову – не случайно. В.В. Набоков - «писатель ослепительного литературного дарования, именно такого, какое мы зовем гениальностью... Он совершенно своеобразен, узнается с одного абзаца - признак истинной яркости, неповторимости таланта. В развитой литературе XX века он занимает особое, высокое и несравнимое положение» (А. И. Солженицын).

Отношение к этому писателю вернее всего было бы охарактеризовать как «амбивалентное». Признавая его безусловным Мастером, не можем во многом согласиться с рядом его нарочито эстетских заявлений и довольно презрительных отзывов о творчестве выдающихся писателей и мыслителей – в частности, о книгах Ф.М. Достоевского и З. Фрейда.

Так, в своем эссе о Достоевском В. Набоков явно выражает свою неприязнь к «причудливым», «ненормальным», «изуродованным душам» Достоевского. Он пишет: «Я порылся в медицинских справочниках и составил список психических заболеваний, которыми страдают герои Достоевского» и упоминает следующие болезни: эпилепсия, старческий маразм, истерия, психопатия, а затем добавляет: «Между прочим, ученые опровергают утверждения некоторых критиков о том, будто бы Достоевский – предвестник Фрейда и Юнга. Это можно убедительно доказать, т.к. Достоевский многократно использовал сочинение немецкого врача Ц.-Г. Каруса «Психиатрия», опубликованное в 1846 г. Предположение, что Достоевский – предтеча Фрейда, основано на том, что терминология и гипотезы в книге Каруса сходны с фрейдовскими, но основные концепции – разные: в одну и ту же терминологию авторы вкладывали разные идеи» [Набоков В. Федор Достоевский, 186, 188].

Набоков касался в этом эссе влияния Каруса на Достоевского лишь

поверхностно, об этом свидетельствуют и неточно цитированное заглавие книги и неточно приведенные инициалы имени немецкого ученого: вместо «Психеи» он называет «Психиатрию», хотя такого произведения нет у Каруса, и вместо К(арл) Г(устав) он пишет «Ц.-Г.». Известно, что Лекции по русской литературе были написаны Набоковым для американских студентов в 1940-е годы, а посмертно изданы не с целью филологического или сравнительно-литературного анализа, поэтому попадают иногда неточные данные в тексте, и отчасти и этим объясняется его слишком категоричные суждения, например, о таких писателях, как Достоевский. Набоковские суждения о литературе коренятся в его аристократизме, о котором писал Иван Толстой в предисловии книги: «...достойна уважения та последовательность, с которой он выдерживает свое кастовое презрение к недворянским литераторам всех эпох./.../» [Там же, 9].

В целом, преподавательский опыт показывает, что педагогический потенциал изучения творчества В.В. Набокова весьма значителен. Это объясняется рядом причин:

1. В русской литературе XX века В. В. Набоков занимает особое место, так как его творчество, начавшееся в эпоху Серебряного века, охватывает почти все этапы литературного развития XX века вплоть до 1970-х гг.

2. В. В. Набоков - один из самых влиятельных художников по степени воздействия на стилевые процессы в русской и мировой литературе второй половины XX века.

3. Творчество писателя причастно к истории сразу двух национальных культур - русской и американской; причем и русскоязычные, и англоязычные произведения писателя - выдающиеся художественные явления, подлинные литературные шедевры.

Тексты писателя представляю собой уникальный пример билингвизма. «Дважды изгнанник, бежавший от большевиков из России и от Гитлера из Германии, он успел создать массу великолепных произведений на умирающих в нем языке для эмигрантской аудитории, которая неуклонно таяла. Тем не менее в течение второго десятилетия пребывания в Америке он сумел привить здешней литературе непривычные дерзость и блеск, вернуть ей вкус к фантазии, а себе – снискать международную известность и богатство» [Апдайк Дж., 22].

4. Не будет преувеличением сказать, что именно В.В. Набоков больше, чем кто-либо из его современников сделал для знакомства западной читательской аудитории с вершинами русской литературной классики. Именно он сумел актуализировать для Запада творчество А. С. Пушкина.

Кроме того, важнейшим фактором необходимости изучения текстов этого писателя является высочайшее художественное качество этих текстов, их «заповедный русский язык, ... кристальный, усадебный, о коем мы позабыли, от коего как бы вершинного воздуха кружится голова» (А. А. Вознесенский).

Показательно, что В.В. Набоков всегда демонстративно отказывался принимать участие в каких бы то ни было политических, идеологических,

этических дискуссиях. Его девизом оставалось всепоглощающее служение Искусству. Оценивая развитие русской литературы в XIX–XX вв. писатель пришел к выводу, что она всегда была больше чем литературой и постепенно это привело к почти полной ее идеологизации, превращению в «вечную данницу той или иной орды», когда от художника требуется приносить общественную пользу. Его совет художникам: во всем ставить «как» превыше «что».

Интересно, что жена Набокова - Вера, один из немногих близких ему людей в своем послесловии к посмертному изданию русских стихов мужа, вышедших в 1979 году, первая назвала незамеченную критиками «главную тему Набокова». Она объяснила, что Набоков использовал понятие «потусторонности», чтобы определить «тайну, которую носит в душе и выдать которую не должен и не может». «Этой главной темой... пропитано все, что он писал», добавляет жена писателя, и именно она «давала ему его невозмутимую жизнерадостность и ясность в самых тяжелых жизненных переживаниях» [Набокова Вера, 3].

Результаты педагогической работы со старшеклассниками в течение 15 лет показали, что в ходе анализа произведений писателя учащиеся овладевают навыками вчувствования в словесную ткань произведения, эстетического анализа художественных впечатлений, литературного анализа текста. В результате, они развивают в себе способность получать эстетическое наслаждение от литературного текста. Также имманентно развивается эстетический и читательский опыт, так как у школьников развивается способность к переносу переживания текста на восприятие стиля и художественных стратегий других писателей.

Мир набоковских произведений необыкновенно яркий, праздничный, сияющий, красочный. В этом его можно назвать наследником И. А. Бунина и Н. С. Гумилева, о которых писатель, по его замечанию, «не мог говорить без волнения». Но при этом в способах изображения внешнего мира он делает шаг вперед по сравнению со своими предшественниками, открывая новую структуру метафоры. Реальность, созданная им, прежде всего видима и осязаема. Зыбкое и невещественное уплотняется и превращается в некое подобие предметов, телесно ощутимых. Даже внутренний мир человека изображен предметно: «тяжелые движения души» шахматиста Лужина («Защита Лужина»), «шум рассаживающихся чувств» («Весна в Фиальте»).

Таким образом, подход к изображению человека в прозе Набокова практически не отличается от его подхода к изображению внешнего мира. Человек часто изображается как вещь: сосуд («Истребление тиранов»), буква (тело в виде зета в рассказе «Весна в Фиальте»).

Вещи же, наоборот, одушевляются: фабрика «шагает», шоколад с объявления «окликает» («Пассажир»). Характеры персонажей не развиваются. Герои уходят со страниц такими же, какими туда пришли: великолепными манекенами.

Один из известных современных исследователей творчества писателя

считает даже, что «...набоковские герои словно бы отражаются друг в друге, различаясь лишь степенью одиночества: так в молодом одаренном литераторе Годунове-Чердынцеве, неряшливом в быту, рассеянном, чудаковатом, не любимым ни обывателями, ни вещами, мы разгадаем все того же Лужина, только без крайней его болезненности» [Михайлов О., 12].

Подчеркнем, что статичны в данном случае не только характеры. Статичен весь мир набоковских произведений. Не случайно критики называли Набокова «неисправимым обманщиком», «мистификатором» и даже «литературным провокатором», а его стиль «бездушным, надменным и холодным».

Можно сказать, что все романы Набокова объединяются в единый метароман, обращенный к глубинному исследованию сущности творческого процесса и личности самого творца. Исследователи отмечают два типа героев в прозе Набокова: это человек, наделенный счастливой способностью к творчеству, и пошлый человек, чье восприятие ограничено бытовыми проблемами и потребностями.

Герой-творец наделен уникальным даром - поэтическим восприятием мира, «волнующийся по пустякам», создающий своей способностью к игре иной, волшебный мир. Это и Ганин («Машенька»), и Федор Константинович Годунов-Чердынцев («Дар»), и гениальный шахматист Лужин («Защита Лужина»), и Цинциннат («Приглашение на казнь»), и Джон Шейд («Бледное пламя»). Несмотря на внешнюю разность, в этих героях много общего: закрытость, власть памяти, дар творчества.

Так, начинающий поэт Федор Константинович Годунов-Чердынцев, герой романа «Дар», способен не только воссоздавать погибший мир, но и пересоздавать привычный, меняя угол зрения одной лишь игрой воображения.

С изумительной силой описывает писатель муки творчества: «Когда он лег в постель, только начали мысли укладываться на ночь и сердце погружаться в снег сна (он всегда испытывал перебои, засыпая) Федор Константинович рискнул повторить про себя недосочиненные стихи, - просто, чтобы еще раз порадоваться им перед сонной разлукой; но он был слаб, а они держались жадной жизнью, так что через минуту завладели им, мурашки побежали по коже, заполнили голову божественным жужжанием... Это был разговор с тысячью собеседников, из которых лишь один настоящий, и этого настоящего надо было ловить и не упускать из слуха».

Чуткий и внимательный, деликатный взгляд Набокова, точнее, его наблюдение за жизнью героя, его метаниями и страданиями, его причудами и привычками - всем тем, что собственно и составляет индивидуальность личности - такой взгляд есть наилучшее воплощение теоретической позиции: жизнь - это тайна, жизнь прекрасна своей сокрытостью от посторонних глаз.

Главный герой «Защиты Лужина» на самом деле постоянно пребывает в иллюзиях, которые преобразуются в его сознании в некий полуфантастический шахматный мир.

Так, после матча с Турати физический мир и населяющие его люди

представлялись Лужину «прозрачными» по контрасту с устрашающе захватывающим шахматным миром. Разговаривая с матерью своей невесты, Лужин совершенно отстраняется от беседы глядя на пол, «где происходило легкое ему одному приметное движение, недобрая дифференциация теней». В какой-то момент «неприятности на полу так обнаглели, что Лужин невольно протянул руку, чтобы увести теневого короля из-под угрозы световой пешки». Неприятности на полу есть ни что иное как галлюцинации, которые порой начинают затмевать реальный мир.

Очень часто в рассуждениях о Набокове возникает тема его холодности, рассудочности, склонности к мистификации. Например: «Весь огромный литературный талант Владимира Набокова служит именно «художественному действию» на критику и читателя и по самой своей сложной, лукавой, какой-то бесчеловечной, жестоко-ироничной природе тяготеет к имитации и мистификации, причём сюда неизбежно входит и изощрённая, высокопрофессиональная имитация творчества, составляющая основную тайную особенность этого странного дарования. Это какой-то гений вторичности, превращающий её в оригинальный стиль, создавший с её помощью собственное творческое лицо и громкую литературную репутацию» (Вс. Сахаров), и еще: «Автора «Других берегов» упорно трактуют как писателя лирического и ностальгического, певца утерянного рая детства и дореволюционной России, и это свидетельство полного успеха изысканно-презрительных мистификаций Набокова-художника».

Между тем нарочито холодный и отстраненный стиль есть ни что иное, как созданный самим Набоковым литературный прием. Тем самым писатель уходил от реальности, погружаясь в вымышленную им великолепную и изысканную реальность. Здесь возможно сравнение автора с его героями:

– Лужиным, для которого игра в шахматы стала единственной реальностью, защитой от преходящего и бренного земного мира;

- Годуновым-Чердынцевым, его потусторонний мир - это божественное состояние создания стихов, при этом реальный мир Федор воспринимает как нереальный, так как, когда он сочиняет новое стихотворение, он оказывается способным перемещаться в иную, подвластную только ему область бытия, чувствуя ее полнее и явственнее;

- Пниным. Особый, закрытый от любопытных и злорадных посторонних глаз мир Пнина - это библиотека. Именно к книгам, «в тишь библиотек» скрывается Пнин от реальности.

Отметим, что в основу описания «просиживаний» Пнина в библиотеке, возможно, легли впечатления Набокова, полученные от работы над «Онегиным» в библиотеке Гарварда: «Изыскания эти давно уже вступили в ту волшебную пору, когда поиски перерастают конечную цель, и образуется новый организм, паразит, так сказать, на созревающем плоде» [Набоков В. В. Пнин, 65]. Можно отметить очень интересную деталь: в «Пнине», как и в «Даре» присутствует мотив детской болезни как уход в потусторонний мир: Пнин оказывается в парке незнакомого города. «И вот теперь в парке Уитчерча, Пнин испытывал

то,...что отвратительный автомат, которому он дал приют, обнаруживал собственное сознание, и не только грубо зажил своей, отдельной от него жизнью, но причинял ему паническое страдание... ..Внезапно Пнин (уж не умирает ли он?) заметил, что соскальзывает назад в свое детство. Это ощущение обладало той драматической остротой ретроспективных подробностей, которая, говорят, бывает у утопающих...».

Поэтику стилистически изысканной прозы слагают как реалистические, так и модернистские элементы (лингвостилистическая игра, всеохватное пародирование, мнимые галлюцинации). Принципиальный индивидуалист, Набоков ироничен в восприятии любых видов массовой психологии и глобальных идей (в особенности марксизма, фрейдизма).

«Великое (многие полагают, что и чрезмерное) мастерство Набокова в его прозе гипнотизирует и мистифицирует нас. ...Да, конечно, мастер, да, конечно, талант, да, возможно, гений, но... Сколько я слышал такого. То холодный, то неверующий, то бездушный, то циничный, то жестокий (короче – безыдейный...)... Мы отказываем человеку в боли, чувстве, трагедии за то, что ставим его выше себя. Не есть ли это плебейство или попросту зависть? Не есть ли и пресловутое мастерство (тем более избыточное) – своего рода маска человека застенчивого, нежного ранимого и израненного, страшящегося насилия (в том числе насилия истолкования)? ...Не есть ли обостренное чувство достоинства то, что мы полагали за высокомерие или самодовольство?» [Битов А. Г., 12].

Ранимая душа Набокова, сила его чувства ярко проявились в мемуарно-биографической книге «Другие берега», в которой он, в частности признавался: «Я обязан особому оттенку, в который с тех пор окрасилась тоска по родине. Она впиалась, эта тоска, в один небольшой уголок земли, и оторвать ее можно только с жизнью» [Набоков В. В. Другие берега, 45]. Это произведение отстоит от основного корпуса прозы писателя, тяготеющей к нарушению жизненного правдоподобия, стремящейся изменить до неузнаваемости жизненные реалии. Название книги – «Другие берега» – метафора удаленности того мира, который стал предметом воспоминания, исчезнувшего в потоке времени прошлого.

«Другие берега» являются «ключом к пониманию набоковской прозы» (В.В. Ерофеев), подтверждая нерасторжимую связь между личностью писателя и «я» повествователей его текстов.

«Другие берега» – книга о собственной жизни, наполненная биографическими фактами, многочисленными подробностями окружающего мира, представшего перед Набоковым в годы детства, юности, молодости. Вместе с тем она включает в себе сквозные мотивы всей набоковской прозы: детства как утраченного рая, человеческого одиночества, эстетики шахматной игры. В ней отчетливо проступает мироощущение писателя, парадоксально сочетающего в себе острый скептицизм и лиричность мироощущения. Воспоминания Набокова демонстрируют уникальность жизненного опыта человека, равно принадлежащего двум культурам: русской и англо-американской.

Набоков стремится быть предельно точным, воссоздавая прошлое, принципиально не желает нарушать «чистый ритм Мнемозины», своей постоянной спутницы и собеседницы. Он исключительно внимателен к самым мелким подробностям. Он обстоятельно описывает внешность, манеру поведения окружающих, обстановку родительского дома, оформление прочитанных книг, вид пойманных бабочек. Достоверность изображения превращает книгу Набокова в ценное документальное свидетельство, вместе с тем написанное им всецело принадлежит художественной прозе.

Время историческое отступает на второй план, становится фоном для движения автобиографического времени, «личной обочины общей истории». История входит в личную жизнь отдельными фрагментами своих больших и малых событий: родословной рода Набоковых и Рукавишниковых, упоминанием о Первой мировой войне, императорской семье, Октябрьской революции, отголосками политической деятельности отца.

Особенностью набоковских воспоминаний являются и авторские философские, искусствоведческие, научные рассуждения, например, о спиралеобразном характере жизни, о шахматном искусстве, о бабочках и – через них – мире живой природы. Сквозь них проходят важнейшая для писателя идея необратимости жизни, чувство призрачности существования.

В заключение хочется отметить, что тексты Набокова требуют внимательного «медленного» чтения, когда, откладывая книгу, можно закрыть глаза и погрузиться в мир грез, созданных великим писателем, мир, полный чувств и красок, звуков и запахов, метких наблюдений, тайн и раздумий...

И тогда можно увидеть, с какой теплотой и любовью относится Набоков к своим героям, как истинно гуманен его взгляд на человека, каким огромным нравственным зарядом обладают его произведения, как много могут сказать блестящие и якобы отстраненные и нарочито неэмоциональные строки человеческой душе, израненной и униженной жестокостью окружающих, равнодушием мира, построенного по волчьим законам борьбы за существование.

Творчество Набокова в таком понимании становится ярчайшим продолжением русской классической литературы с ее традицией видеть высшую задачу в том, чтобы лирой «пробуждать чувства добрые»....

ЛИТЕРАТУРА

1. Апдайк Дж. Предисловие // В кн. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. – М., 1998.
2. Бакушинский А. Музейно-эстетические экскурсии. М.: Госиздат, 1919.
3. Берберова Н. Курсив мой // Октябрь. 1988. № 12.
4. Битов А. Г. Ясность бессмертия // В кн. Владимир Набоков: pro et contra. – СПб., 1997.
5. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Наука, 1963.
6. Дарк О. Загадка Сирина. Ранний Набоков в критике «первой волны» русской

эмиграции // Вопросы литературы. 1990. Вып. III.

7. Ерофеев В.В. Набоков в поисках потерянного рая // В кн. Набоков В. В.

8. Михайлов О. Король без королевства // В кн. Набоков В. Машенька. Защита Лужина.

Приглашение на казнь. Другие берега (Фрагменты); Романы. М.: Изд-во "Художественная литература", 1990.

9. Набокова Вера. Предисловие // В кн. Набоков В. Стихи, Ann Arbor, 1973.

10. Набоков В. В. Другие берега. – М., 1989.

11. Набоков В. В. Пнин // Иностранная литература, 1989, №2.

12. Набоков В.В. Собр. соч. в 4-х т. - М.: Правда, 1990.

13. Набоков В.В. Федор Достоевский (1821-1881). В кн.: В. Набоков: Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. – М.: Независимая Газета, 1996.

14. Носик Б. Мир и дар Набокова. Первая русская биография Набокова. - М.: Пенаты, 1995.

15. Рождественский Дм. Психоанализ в российской культуре: учебно-методическое пособие. - СПб. Восточно-Европейский Институт Психоанализа. 2009.

16. Ходасевич В.Ф. О Сирине // Октябрь. 1988. № 6.